

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.5.8>

UDC 930.2(47+57)“16/17”
LBC 63.3(2)511-4

Submitted: 10.03.2024
Accepted: 20.08.2024

“OLD FIELD”, “REGULARITY” AND “OF BLESSED MEMORY” DEFENDER OF THE COSSACKS: JUSTICE AND ANTIQUITY AS VALUES IN THE MOVEMENTS OF THE DON COSSACKS OF THE 17th – 18th CENTURIES

Nikolai A. Mininkov

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* During the period of transition from freedom and independence during the time of the Moscow state, the Don Cossacks experienced the process of their formation as a military estate of the Russian Empire and constantly fought for justice in relations with the Russian authorities. This is how the transition to the status of the service class of the Russian Empire took place. Justice found the realization through an attitude towards antiquity, which was recognized as corresponding to justice, and to novelty, which was perceived as a violation of justice, but over time, it became a new tradition that corresponded to ideas of justice. *Methods.* Modern historical research is characterized by a reliance on a value-based approach for analyzing specific phenomena and processes of the past. Such an analysis makes it possible to identify the presence of significant social value and its realization in certain historical conditions. Justice was such a value for the Don Cossacks. *Analysis and results.* The Don Cossacks defended the traditions of the “old field” during the Bulavin Rebellion and persistently resisted threats of conversion to “regularity” in the second half of the 18th century for justice and observance of the traditions of Cossack antiquity in the organization of resettlement to the Caucasian line. A value-based approach to the study of the history of the Don Cossacks allows us to fully, deeply, and precisely achieve understanding of the community itself about new living conditions, its attitude towards them, and its perception of changes when correlating them with its idea of justice as a social value.

Key words: value-based approach, justice as a value of Russian society, movement of Old Believers on the Don at the end of the 18th century, Bulavin Rebellion, Pugachev’s Rebellion, movement of the Don Cossacks of 1792–1794.

Citation. Mininkov N.A. “Old Field”, “Regularity” and “Of Blessed Memory” Defender of the Cossacks: Justice and Antiquity as Values in the Movements of the Don Cossacks of the 17th – 18th Centuries. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 5, pp. 85-96. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.5.8>

УДК 930.2(47+57)“16/17”
ББК 63.3(2)511-4

Дата поступления статьи: 10.03.2024
Дата принятия статьи: 20.08.2024

«СТАРОЕ ПОЛЕ», «РЕГУЛЯРСТВО» И «БЛАЖЕННАЯ ПАМЯТЬ» ЗАЩИТНИК КАЗАЧЕСТВА: СПРАВЕДЛИВОСТЬ И СТАРИНА КАК ЦЕННОСТИ В ДВИЖЕНИЯХ ДОНСКИХ КАЗАКОВ XVII–XVIII ВЕКОВ

Николай Александрович Мининков

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Донское казачество в период перехода от вольности и самостоятельности во времена Московского государства переживало процесс своего становления в качестве служилого сословия Российской империи и постоянно вело борьбу за справедливость в отношениях с российскими властями. Эта борьба проявлялась через отношение к старине, признававшейся соответствовавшей справедливости, и к

новизне, которая воспринималась как нарушение справедливости, но со временем становится новой традицией, соответствовавшей представлениям о справедливости. *Методы.* Для современного исторического исследования характерна опора на ценностный подход для анализа конкретных явлений и процессов прошлого. Такой анализ позволяет выявить наличие значимой общественной ценности и ее реализации в определенных исторических условиях. Справедливость выступала для донских казаков в качестве такой ценности. *Анализ и результаты.* Донское казачество отстаивало традиции «старого поля» в период Булавинского восстания, упорно противостояло угрозам обращения в «регулярство» во второй половине XVIII в., за справедливость и соблюдение традиций казачьей старины при организации переселений на Кавказскую линию. Ценностный подход к изучению истории донского казачества позволяет более полно, глубоко и конкретно выявить представления самого казачьего сообщества о новых условиях жизни, отношении его к ним, восприятия им перемен при соотнесении их с своим представлением о справедливости как об общественной ценности.

Ключевые слова: ценностный подход, справедливость как ценность русского общества, движение старообрядцев на Дону в конце XVII в., Булавинское восстание, Пугачевское восстание, движение донских казаков 1792–1793 годов.

Цитирование. Мининков Н. А. «Старое поле», «регулярство» и «блаженные памяти» защитник казачества: справедливость и старина как ценности в движениях донских казаков XVII–XVIII веков // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 5. – С. 85–96. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.5.8>

Введение. Тема участия казачества в массовых народных движениях в России, в том числе за XVIII в., достаточно традиционная. Она пережила не столь уж давно недолгий период отхода на второй план исследовательского внимания. В настоящее время комплексное исследование истории казачества вновь выдвинуло ее на одно из ведущих мест в проблематике социальной истории российского общества, частью которой является история казачества и народных выступлений с его участием. Но вместе с тем в социокультурном и социально-психологическом измерении все большее внимание уделяется аксиологическому, или ценностному подходу, тесно связанному с выявлением и учетом системы ценностей казачьего сообщества.

Обсуждение. Донское казачество рассматривалось в историографии как сообщество со своим особым внутренним укладом и вольным образом жизни. Мысль о том, что образ жизни на Дону резко отличался от образа жизни в холопской России, была особенно популярна среди тех, кого исследователь политической истории Дона начала XX в. Б.С. Корниенко назвал казачьими националистами. Она отчетливо выражалась донским писателем и публицистом Е.П. Савельевым [14, с. 136]. В современной отечественной историографии также указывается на особенности структуры сознания казаков, которые свидетельствуют о том, какие стороны своего существования ценили казаки, что было харак-

терно для социокультурного облика казачества. Современный исследователь А.А. Каменцев, рассматривая сознание казачества раннего периода по данным фольклора, сделал вывод, что в нем наглядно выступает «свобода, подчеркнутая казачья вольница» [11, с. 159] как основополагающая ценность, объединяющая все казачество. В этом он видел признак того, что донские «казаки к концу XVII в. представляли собой качественно новое этносоциальное образование», и имели «самосознание, отличное от населения Московского государства» [11, с. 159]. Тем самым он подчеркивал наличие особенностей в системе ценностей донского казачества, отличавших его от людей Московского государства.

Далеко не все историки разделяли эту точку зрения. Едва ли в сознании народа внутренней России XVII–XVIII вв. свобода и вольность отсутствовали в качестве ценности. Советские историки правомерно подчеркивали, что в сознании народа внутренней России XVII–XVIII вв. такая ценность присутствовала, но также указывали, что для казаков эта ценность имела особое значение. Советский историк И.Г. Рознер отмечал, что казаки в своей истории «стойко защищали добытую свободу и независимость» [26, с. 8]. С ценностью свободы были связаны «демократия и общественный эгалитаризм казачества», которые также составляли ценность казачьих сообществ [1, с. 18], – отмечал историк из

США Д.Т. Александер. Не случайно современный историк Разинского восстания В.М. Соловьев отмечал популярность казаков среди народа внутренних русских городов и уездов в ходе восстания, поскольку вольности казачьей жизни высоко ценились в русских землях. Но он же правомерно указывал на отличия между образом жизни казаков и населения внутренней России, и даже на разрыв «интересов крестьянского мира, посадской общины и казачьего круга» [33, с. 188].

К ценностной ориентации донского казачества в период Булавинского восстания относится точка зрения, согласно которой это восстание было связано со слухом на Дону о гибели Петра I и царевича Алексея. Поэтому казаки «решили “побить бояр и немцев... за их злое дело”» [17, с. 31]. Также указывалось на «слух о том, что “царь находится за границей, ...а на троне сидит узурпатор”» [37, с. 158]. Такое объяснение прямо ведет к выводу о монархизме в качестве казачьей ценности, когда ради царя на Дону поднимали восстание. Подобная точка зрения не получила поддержки в современной историографии [36, с. 18]. Так, В.М. Соловьев верно указывал: «На Дону царская особа не пользовалась особым почтением» [33, с. 152], что не исключало позитивных высказываний в отношении «великого государя» в источниках, исходивших от Войска Донского.

В свете психологического подхода изучал Пугачевское восстание В.Я. Мауль. Он обращал внимание на психологические предпосылки массовых народных движений XVII–XVIII вв., которые являлись «прежде всего, явлением культуры», «выступали в качестве регуляторов традиционного общества, гарантов его стабильности, реставраторов старины, которая мыслилась как норма», и безусловно воспринималась казаками как ценность [21, с. 35, 39].

Как указывает М.А. Рыблова, «архаичный характер» на Дону еще в XVII в. имел «институт власти» [29, с. 376], что соответствовало образу жизни казаков и предопределяло сохранение старины в качестве ценности. При этом ценность лежала в основе «донского братства», или системы отношений в казачьей среде, которое составляет объект исследования М.А. Рыбловой.

На принципиальную близость ценностных установок казачества и народа внутренней России указывают ритмы казачьей истории, когда, как обращал внимание И.О. Тюменцев, периоды так называемого «показаченья» и расказачивания периодически сменяли друг друга. Периоды внутренних потрясений способствовали росту численности казачества за счет населения внутренних уездов страны [2; 3, с. 129–131; 10, с. 209; 13, с. 224], в более спокойные периоды этот приток сокращался. Возможность пополнения рядов казачества за счет народа внутренней России и утверждения новопришлых людей на Дону свидетельствует о том, что эти люди разделяли ценности казачества, его представления о справедливости.

Таким образом, в историографии заметно внимание к вопросу о ценностях, разделявшихся казаками, которые в значительной мере объясняют особенности истории и культуры казачьих сообществ. Это предполагает необходимость специального его исследования, которое до сих пор не проводилось, в том числе в отношении таких основополагающих ценностей, как справедливость и старина.

Методы и материалы. Теоретические основы ценностного подхода были разработаны еще в конце XIX в., на базе неокантианского положения о ценностях как о движущей силе процессов в разных сферах исторической жизни общества. Четкое указание на роль ценностей в историческом процессе и в социально-гуманитарном научном познании обозначил еще Г. Риккерт, развитие ценностного подхода к историческому познанию предлагалось в отечественной историографии А.С. Лаппо-Данилевским [24, с. 95–96], Л.П. Карсавиным. Ценностная ориентация сообщества определяется его образом жизни, с которым связана его психология и ментальные установки. К ценностям сообщества относится все то, что оно готово было отстаивать в борьбе с различными угрозами.

Такой подход возможен при анализе разных сторон внутренней жизни отдельных сообществ, в том числе казачества, за разные периоды его существования начиная с эпохи позднего средневековья. В том числе это относится к донскому казачеству XVII–XVIII вв. и к его массовым движениям. Ана-

лиз этих событий в свете учета системы ценностей, сложившейся в сознании казаков, и понимания участвовавших в них людей представляется перспективным и необходимым для углубленного понимания особенностей культуры казачества.

Ценностный подход, ориентированный на анализ психологии культурно-исторических сообществ, предполагает опору на методологический принцип понимания человека другой культуры. Историко-психологический метод связан с учетом тесной связи между историческими условиями существования сообщества, системой ценностей и общественной психологией. Историко-сравнительный метод позволяет сопоставить отношение казаков к ценностям в ходе их выступлений, или как за защитой общих традиционных ценностей казачьего сообщества стояло разное содержание, зависевшее от конкретных условий жизни Войска Донского в XVII и XVIII вв., а также отношение к ценностям казаков и разных слоев населения России, участвовавших в народных движениях.

Источники для исследования ценностной ориентации казачества содержит документальный материал, относящийся к донской истории XVII–XVIII вв. и представлявший документы центральных и войсковых органов управления. В этих документах содержатся свидетельства отношения казаков к событиям и изменениям в положении казачества, а также воззрения на события истории Войска Донского. К источникам относится донской казачий фольклор, в котором нашло отражение отношение казачества к прошлому, в его мифологизированном виде, и наглядно проявляется система его ценностей.

Анализ. Справедливость при этом может быть указана в качестве общей ценности, причем характерной для культуры разных народов и сообществ. На ее основе выстраивались крестьянские миры и посадские общины. Как отмечал Н.Н. Покровский, в период Томского восстания 1648–1649 гг. выделялась такая особенность «крестьянского мирского сознания», как «представление о справедливой “старине”» [22, с. 153]. И, соответственно, нарушение старины воспринималось как нарушение справедливости. Тем самым в сознании крестьянского мира, посадской общины и служилых людей

получили соединение понятия о справедливости и старине. При этом справедливость выступала в качестве общественной ценности, а старина – как способ ее практической реализации. Аналогией понятия о справедливости выступало понятие правды. По замечанию А.И. Клибанова, у старообрядческого проповедника на Дону Кузьмы Косого, предводителя старообрядцев, поселившихся на Медведице, его борьба «за “правую веру”» выступала «как борьба за “мирскую правду”» [12, с. 121]. Антитезой справедливости выступало ее нарушение в форме несправедливого устройства общества. Советский историк В.В. Мавродин верно указал на пример понимания несправедливости крестьянством, когда оно «считало феодалную собственность на землю несправедливостью и исключало саму возможность ее существования» [19, с. 42].

Понятие о справедливости было близко донским казакам. На нем строились их представления о взаимоотношениях с государством, в основе которых был принцип жалованья за службу и признание русскими властями права казаков Войска Донского на «реку Дон». Справедливость была связана со стариной. Всякое нарушение старины понималось донскими казаками как покушение власти на справедливость.

С подавлением Разинского восстания такие несправедливости в отношении между московской властью и Войском Донским следовали, в глазах казаков, одна за другой. Особенно болезненным для донского казачьего сообщества стали требования о выдаче «к Москве» людей с Дона. Этой составной частью донской старины казаки особенно дорожили. Требованию московских властей в 1675 г. «о присылке вора Сеньки Буянка» к Москве казаки решительно воспротивились. Они говорили, что «естьи де ево отдать, то де и по последнего их брата казака с Москвы пришлют». И выражали сожаление, «что и Разина отвезли, и тем де они на себя повадку (дали)» [15, с. 349]. Самого же атамана Корнилу Яковлева на круге казаки обвиняли в том, что «повадился де он их к Москве возить, будто азовских ясырей, связав, полно де и той ему удачи, что Разина отвез» [15, с. 351].

Частью старины в сознании казаков был также образ великого государя. Уже в то время,

как видно по сведениям фольклора, с образом великого государя казаки вообще связывали свое появление и жительство на Дону, свое право на это жительство. Они объясняли появление его тем, что «Грозный царь Иван Васильевич» [9, с. 529] пожаловал их предков Доном за взятие Казани. В фольклоре, записанном у казаков (станица Багаевская), имеется по существу фольклорный образ вассального договора Грозного царя с атаманом Ермаком, поскольку «казанскую службу» их якобы предков фольклор связывал с популярным историческим именем. Ермак в песне попросил царя: «отдай, государь, нам тихой Дон снизу доверху, сверху донизу, с его реками и вершинами» [9, с. 528]. И «славный тихий Дон с потоками и белой Манычью» [9, с. 505] царь казакам пожаловал. В дальнейшем традиционный образ «великого государя» закреплялся. В значительной мере этому способствовали положения жалованной грамоты царя Михаила Федоровича на Дон от сентября 1615 г., устанавливавшей сложившиеся по старине виды службы донских казаков. За эту службу государь не только обязывался давать казакам жалованье, но и жаловал их правом свободного проезда «в наши украинные городы» для свиданий с родными и для беспошлинной торговли [20, с. 23–24]. Этот своего рода договор царя с войском Донским, напоминавший установление отношений сюзеренитета – вассалитета, соответствовал старине в отношениях между царской властью и казаками. С точки зрения казаков, он соответствовал справедливости, включавшей жалованье за службу без крестного целованья. Казаки считали также, что он дополняется признанием вольности казачества, в том числе права приема беглых на Дону и невыдачи их.

Такие изменения после поражения Разинского восстания, как выдача людей по распоряжению из Москвы и вынужденное принесение казаками присяги, показывали, что старина во взаимоотношениях между Москвой и Доном уходила в прошлое. Наступала новая реальность, в которой Войско Донское утрачивало свою самостоятельность, характерную для вассальных свобод. Такие перемены не могли, с точки зрения казаков, соответствовать основам справедливого устройства, в котором казаки были вольными слугами царя.

Все это вызывало их глубокое недовольство. Но преодолеть традицию почитания царя могли далеко не все. Заметно это только в словах такого старшины времени движения старообрядцев на Дону, как Кирей Чюрносос, своеобразного донского интеллектуала того времени. В связи со сбором походного войска в 1687 г. для участия в походе на Крым во главе с князем В.В. Голицыным он заявил, что «лучше де ныне крымской, нежели наши цари на Москве» [7, с. 151]. Несмотря на такое заявление, он пошел в поход походным полковником. Нарушение сложившейся традиции во взаимоотношениях между Доном и Москвой создавало, таким образом, предпосылки для нарушения традиции в отношении казаков к царю. К. Чюрносос был казнен вместе с другими предводителями донских старообрядцев в мае 1688 г., других высказываний непосредственно в адрес царя в его время не фиксировалось.

Однако с начала XVIII в. складывались условия для дальнейшего изменения традиционного представления казаков о царе, поскольку политика Петра I в отношении Дона расходилась с представлениями казаков об основах справедливости царской власти, о достойном учете ей воинских заслуг казаков. Кроме того, до донских казаков доходили известия о разных слухах о Петре I как о царем-антихристе или царе-немце. Так, в Преображенском приказе в 1701 г. один русский доносчик сообщал, что казак Игнат Пчелинец сказал «про великого государя, царя Петра Алексеевича (т), что он де, государь, не царь, а антихрист». Проявилось также представление о царе не только как об антихристе, но и как о царе подменном. По словам казака, «царица де Наталья Кирилловна родила царевну девицу, и вместо де той царевны своровали бояре, подменили иноземца, Францова сына Лефорта» [27, л. 11–12]. Эти слова показательны еще и в связи с тем, что в «лихих боярах» народ традиционно видел своих врагов. А в условиях восприятия верхами русского общества при Петре I западной культуры врагов стали видеть и в «иноземцах», «немцах», связанных с этой новой культурой.

Нарушение справедливости казаки видели в стремлении власти к выявлению беглых на Дону и к высылке их в Россию, к отнятию

соляных промыслов на Бахмуте у Войска Донского с передачей их Изюмскому слободскому полку. Все это сказалось на идеях, с которыми выступали донские казаки в Булавинском восстании. Они отстаивали справедливость по отношению к себе как ценность, причем конкретным выражением этой ценности был для них старый порядок во взаимоотношениях с Москвой, основанный на признании вольностей Дона. В прелестном письме булавиновцев от апреля – мая 1708 г. содержался призыв «стоять им всем вкупе за дом пресвятыя богородицы, за истинную христианскую веру, и за благочестивого государя, и за все Войско Донское». Врагами объявлялись «злые бояря и немцы», которые «вводят в них еллинскую веру». Что касается указания на «еллинскую веру», то в нем прослеживается влияние казаков-старообрядцев, для которых справедливость означала право на религиозное самоопределение, а старина – на возможность свободного вероисповедания и сохранение старого обряда в церковной службе. Мотив нежелания принимать «еллинскую веру» может быть объяснен значительным количеством донских старообрядцев среди участников Булавинского восстания. В этом обращении нашло сочетание упоминание о традиционных врагах, которыми народу, в том числе и казакам, виделись «злые бояря и немцы», но в то же время упоминалось о защите «благочестивого государя» вместе с Войском Донским. Таким образом, традиция упования на государя среди восставших сохранялась. Единство казаков Войска Донского в письме обуславливалось тем, что «преже сего старое поле крепко было и держалось». Так еще «деды их и отцы положили», и поэтому необходимо казакам быть вместе, «чтоб им старое поле не потерять» [4, с. 452].

Более решительно разрывали с такой важной составной частью старины, как монархизм, донские казаки-некрасовцы. О таком разрыве говорится в «Заветах Игната», которые, по словам Д.В. Сеня, «представляют собой комплекс социокультурных нормативов, соблюдением (или нарушением) которых некрасовцы объясняли многие события своей жизни» [32, с. 54]. В том числе они касались отношения к царю и царской власти. Первым пунктом этих «Заветов» стало положение о

том, чтобы «царю не покоряться, до царя в Расею не возвертаться» [32, с. 55]. В некрасовском фольклоре содержится резко негативный образ Петра I. Упоминается он как «царь Ероха» [28, с. 107, 189, 192, 194, 200, 205; 35, с. 143, 144, 146, 147, 150–152, 154, 166, 169, 214].

Некрасовцы, однако, представляли собой отколовшуюся часть донского казачества, которая в пределах Крымского ханства на Кубани, а затем Османской империи жила своей обособленной жизнью. Оставшееся на Дону казачество, пережив разгром Булавинского восстания, постепенно вписывалось в новые реалии Российской империи, принимая свое положение замкнутого военно-служилого сословия. Новые порядки, противостоявшие старине периода донской казачьей вольности, также постепенно выходили на уровень старины и традиции. Менялось вместе с тем представление о справедливости. В качестве ценности она сохранялась, однако получала иное наполнение, соответствовавшее новым порядкам и новому месту донского казачества в российском обществе. Казаки в то же время видели, что государственная власть признала за ними особые права на Земле Войска Донского, и такое признание считало соответствовавшим справедливости. Конечно, и ранее донское казачество отделяло себя от новопришедших людей. Такое отчуждение помешало, например, объединиться в 1687 г. донским казакам-старообрядцам и прибывшим из внутренних городов и уездов России старообрядцам во главе с Кузьмой Косым. Поэтому казаки-старообрядцы отказались видеть во главе своего выступления пришлого проповедника, и не протестовали против выдачи его в Москву по настоянию войскового атамана Фрола Минаева [8, с. 151–152]. Но ко второй половине XVIII в., когда пришлых людей на Дону становилось значительно больше, среди казаков стремление к такому отчуждению стало еще более заметно. Об этом писал строитель крепости Святого Дмитрия Ростовского, инженер-генерал-майор А.И. Ригельман, глубоко знавший казачество. По его сведениям, казаки нередко «мнят, будто они от неких вольных людей, а более от Черкес и Горских народов, взялися». Поэтому они «считают себя природою не от московских людей», и говорят: «Я, де, не Москаль, но Русской, и то по закону и вере Православной, а не по природе» [25, с. 17].

Обособление казачества от неказачьего населения определялось, помимо всех других различий, иным характером службы. Во второй половине XVIII в. статус иррегулярной службы казаков формально считался ниже, чем регулярной. Это нашло отражение в донесении инженер-капитана Александра Ригельмана 1762 г. в связи с увозом казаками в Черкасск кирпича «из бывших Тагань Рогской и Азовской крепостей». По словам А.И. Ригельмана, тот кирпич должен был идти не казакам в Черкасск, но на строительство крепости Святого Дмитрия. Он писал, что до сих пор не было «ни в каких правах Е.И.В., дабы иррегулярным войскам над регулярными команды» было преимущество [6, л. 52], в том числе это относилось в праве на старый кирпич.

Тем не менее, хорошо зная о тяжести службы солдат регулярной армии, казаки своим особым положением по воинской службе дорожили. Как отмечал В.В. Мавродин со ссылкой на показания на допросе казака Ивана Пономарева (Самодурова), на Яике «правительство начало вводить “регулярство”» [18, с. 509–510]. Эта мера послужила толчком для разделения Яицкого войска на «послушную» и «непослушную» стороны, результатом которого стало выступление в 1772 г. казаков. Таким образом, «регулярство» казаки стали считать угрозой своему традиционному порядку службы в иррегулярном войске, которая воспринималась уже как «старина». «Яик перед бурей» [26], – так назвал это время на Яике И.Г. Рознер, или «бурей» Пугачевского восстания.

События на Яике способствовали выступлению волжских казаков. На Дону в том же году также произошло выступление казаков, известное как «череповский бунт», или «ефремовский бунт». Связано оно было со стремлением правительства арестовать атамана Степана Ефремова. Но главными причинами было нежелание казаков выполнять «поголовные мобилизации». А.П. Пронштейн указывал на качественное отличие новых мобилизаций от предыдущих. Ранее переселявшиеся по мобилизации казаки сохраняли свои казачьи права. Теперь же «новые полки становились служилыми». На таких условиях переселяться в Азовскую и Таганрогскую

крепости желающих не находилось [23, с. 296]. Переселенных ранее казаков приравнивали «почти во всем» к солдатам регулярной армии. А.П. Пронштейн приводил слова, сказанные Пугачеву его тестем, служившим в Таганрогской крепости: «Нас де хотят обучать по-гусарски, и всяким регулярным военным подвигам» [23, с. 297]. Не удивительно, что на Дону распространялись слухи о «регулярстве»; эти слухи поддерживал войсковой атаман Степан Ефремов, стремившийся предстать перед казаками в роли защитников их прав. Атаман был арестован и препровожден в Ростовскую крепость, а казакам, выступавшим в его защиту, было сказано, что приказ на арест атамана исходил от самой Екатерины II. Это кратковременное, но решительное движение на Дону 1772 г. свидетельствовало о стремлении казаков защищать старину, соответствовавшую в их представлении справедливости в порядке несения ими военной службы. Такая справедливость, по их мнению, могла сохраняться только в том случае, если казаки служат на правах иррегулярного войска.

Справедливость, как видели ее казаки, заключалась в сохранении старины не только в отношении сохранения своего положения иррегулярного войска. Она также заключалась в следовании традициям переселения казаков на новые места жительства и службы, сложившимся в период существования Российской империи. Между тем в конце XVIII в., когда создавались укрепленные линии на Северном Кавказе, государство стало переселять донских казаков на Кубань, Терек и Сунжу. В 1792–1794 гг. в Войске Донском произошло массовое движение казаков против грубейших нарушений властями порядков и традиций переселения. Подлежало по плану переселение с Дона трех тысяч казачьих семей. Историография этого крупного движения весьма велика. Член Статкомитета Области войска Донского И.В. Тимощенко считал, что в ходе этого движения казаки не выступали против власти. Это был не «дерзкий мятеж и бунт, а лишь как бы смелый и мужественный голос стойкого и заслуженного населения края, протестующего против нарушения коренных основ своего быта» [34, с. 63]. И.В. Тимощенко при этом уменьшал размах репрессий правительства против участников движения.

Донской автор Е.П. Савельев, видевший в донском казачестве особый «арийский» народ, полностью подчиненный самодержавием при Петре I, подчеркивал, что «бесцеремонное обращение с казачеством вывело его из терпения» [30, с. 63]. Историк-юрист С.Г. Сватиков указывал на выступление казаков против нарушения властями старого донского обычая переселения «по жребию и по очереди» [31, с. 235]. Историк Кубанского казачьего войска Ф.А. Щербина провел количественный анализ отношения в донских станицах к переселению. Он делал вывод, что, «по крайней мере половина всех станиц явно противилась выселению казаков на Кубань». Часть же станиц «обулавливала свое нежелание дать переселенцев разными отговорками» [38, с. 691]. Он также отметил социальную сторону, относящуюся к переселению. Оно происходило, писал Ф.А. Щербина, когда «на Дону фактически сложилось уже два класса казачества и когда интересы этих классов уже резко расходились» [38, с. 694]. Отсюда он видел участие донской старшинской верхушки в проведении в жизнь правительственной политики переселения на Кубань.

А.П. Пронштейн считал главной причиной движения на Дону 1792–1794 гг. и восстания в пяти донских станицах угрозу «обращения казаков “в регулярство”». Конкретное ее выражение он видел «в попытке насильно переселить на Кубанскую линию казаков 6 полков с их семьями» [23, с. 350]. Он указывал, что подавление движения шло для правительства с большим трудом, причем не только с помощью «почти 8,5 тысячи солдат регулярной армии и 5 казачьих карательных полков», но и при опоре «на зажиточную верхушку казачества» [23, с. 351]. Донской историк В.И. Лесин писал об участии генерал-майора М.И. Платова в подавлении движения. «Обычно полицейские функции, возлагаемые на военных, вызывали негодование в офицерской среде. Матвей Иванович – не из таких. Он выполнил поручение с видимым удовольствием» [16, с. 40–41], – писал В.И. Лесин, отмечая, что Платов выступал в данном случае в роли одного из наиболее рьяных карателей. Очерк, посвященный этому крупному выступлению донских казаков в популярном изложении, представил за последнее время А.Т. Урушадзе, подчеркивая при

этом самоотверженность донского казачества [36, с. 61–89].

Таким образом, историки, рассматривая это массовое выступление донских казаков, отмечали их упорство в борьбе с властями и стремление отстаивать традиции казачьей службы и сложившийся порядок переселения казаков. Представляет интерес аргументация казаков, которую они приводили в ответ на стремление властей к принятию ими грамот по переселению на Кавказскую линию, она соответствовала ценностным установкам самого казачества. Но она же должна была также содержать в себе то, что могла принять власть. Такая аргументация казаками была найдена. Она отвечала стремлению властей укреплять в сознании казачества основы монархизма, веру во всемогущество царской власти и в способность ее к защите казаков.

Аргументация казаков присутствует в общем прошении, написанном «мятущимися станицами» Верхней и Нижней Чирской, Кобылянской, Пятиизбянской и Есауловской от 26 декабря 1793 года. Казаки в своем прошении, направленном войсковому атаману А.И. Иловайскому, писали, что «как наряд на линию есть им чувствителен, и важнее болших нарядов на службу в заграничные армии, то потом и приступить не согласны». Но главным в их прошении было указание на старину, на то еще «блаженной и вечнодстойной памяти царь Иван Васильевич по заслугам предьков их жаловал непременно житељством на Дону». Но при этом они подчеркивали, что «до сканчания жизни служить ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ не престанут». И только лишь «просят о учине[ни]и обще с войсковым гражданским правительством об отмене сего наряда к ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ предьставления» [5, д. 165, л. 10, 14]. Прощения, поданные «мятущимися станицами» с упоминанием о пожаловании от Ивана Грозного «жителиством на Дону» «по заслугам предьков», содержали несомненную историческую мифологию. Никакого пожалования таким «жителиством» от Грозного царя не было и не могло быть, поскольку формирование казачества в середине XVI в. происходило вовсе не по царским указам. Но эта мифология, во-первых, в полной мере соответствует феодальному порядку пожалования землей за службу,

прежде всего военную. Принимая эту мифологию, казачество, не осознавая ее мифологической сущности, считая ее исторической реальностью, как бы вписывало себя в систему отношений средневекового общества. Во-вторых, оно видело в ней основу своего исторического права жительствова на Дону. И, в-третьих, она вполне соответствовала понятию о справедливости, сложившемуся в казачьей среде и заключавшемуся в неотъемлемом праве на землю за службу. Так что, следовательно, в данном случае «блаженной и вечнодостоинной памяти» царь Иван Васильевич выступал в роли защитника казачества и его исторического права на землю и на реку Дон. Отсюда можно говорить о своеобразном культе Ивана Грозного на Дону, державшемся еще в начале XX века.

Но в своей аргументации казаки обращались не только ко времени Грозного царя, уже вполне легендарному, но и к более близким временам, о которых сохранялась еще живая память близких поколений. Поэтому такие сведения были несомненно более точными с исторической точки зрения. В экстракте из сообщений о событиях, сделанном в Войсковом гражданском правительстве в январе 1794 г., отмечалось, что казаки пяти выступивших станиц в своих прошениях указывали, что «прежних государей в семейство писано и отражимо бывало, как то при Петре Первом на Террик, и при государыне Анне Иоанновне на Волгу, но толко охотников, а не невольников, для чего прежняя войсковая атаманы всего войска общественные круги собирали». Ничего такого не было при наборе, как они писали, в нынешнее время на Кавказскую линию, когда «общественного круга собираемо не бывало, и именно высочайшее повеление выслушано не было». Острейшая социально-политическая борьба между «мятушимися станицами» и усмирителями движения содержала в себе форму, судя по сведениям из этого экстракта, своего рода исторической дискуссии. Казаков этих станиц обвиняли в том, что «оне важное (так! — Н. М.) варвар, которые всегда тщатся Россию наказ вредить, и помянутых извергов человечества Стенке Разине, и Отрепьеве, Булавине и протчих» [5, д. 60, л. 1–1 об.]. Все эти исторические образы были казакам понятны.

Таким образом, исторической аргументации казаков, видевших справедливость в

сохранении старины, их противники противопоставляли свою историческую аргументацию, в которой напоминали о тяжелых последствиях для казаков сопротивления власти.

Результаты. Категории общего и особенного находятся в сложном диалектическом взаимодействии, при котором общие черты и признаки могут иметь в качестве своей оборотной стороны особенности в культуре. Все это относится к такой исторической и социокультурной ценности, как справедливость. Несомненно, что эта ценность, присущая сознанию казачества и проявлявшаяся в ориентации на старину, представляла собой общенародную ценность. Вместе с тем у казаков эта ценность имеет свою специфику. Справедливость находила выражение в привычной для казаков старине, в сложившемся у них за длительное историческое время образе жизни. Между тем со временем устоя жизни казачества и его службы не могли не меняться. Вольная служба московскому государю как сюзерену менялась на службу военно-служилого сословия империи, утратившую свою вольность. Вызывавшая неприязнь казачества новизна отношений постепенно становилась традицией, превращалась со временем в старину и реализовывалась в привычной рутине повседневной жизни. Но остатки своего особого положения, связанные со службой в качестве иррегулярного войска, с безусловным правом жительствова на Дону казаки ценили и отстаивали как могли.

Ценностный подход к изучению истории донского казачества в XVII–XVIII вв. позволяет, таким образом, более полно, глубоко и конкретно выявить отношение казачьего общества к новым условиям, восприятие казаками перемен. Он дает возможность уяснить процесс постепенного принятия казаками новизны как традиции и даже рутины, в которой они готовы были видеть определенные черты справедливого устройства, нарушение которых расходилось с понятием справедливости как общественно-исторической ценности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александр Дж. Т. Емельян Пугачев и крестьянское восстание на окраине России в 1773–1775 гг. Уфа: Галиуллин Д.А. 2011. 162 с.

2. Андреев И. Л. Движение балашовцев // Вопросы истории. 1977. № 7. С. 118–122.
3. Буганов В. И. Очерки истории классовой борьбы в России XI–XVIII вв. М.: Просвещение, 1986. 239 с.
4. Булавинское восстание. Сборник документов (1707–1708 гг.). М.: Всесоюз. о-во политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1935. 528 с.
5. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 341. Канцелярия Войска Донского. Оп. 1. Д. 1. Краткие выписки о противодействии казаков при переселении на Кавказскую линию. 218 л.
6. ГАРО. Ф. 518. Крепость Святого Дмитрия Ростовского. Оп. 1 Д. 1. Входящие дела гарнизонной канцелярии крепости Святого Дмитрия Ростовского. 207 л.
7. Дополнения к Актам историческим. СПб.: Тип. В.В. Пратц, 1872. Т. 12. VIII; 423; 24 с.
8. Дружинин В. Г. Раскол на Дону в конце XVII века. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1889. 330 с.
9. Исторические песни XIII–XVI веков. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 695 с.
10. История донского казачества: в 3 т. Ростов н/Д: Омега Паблицер, 2020. Т. 1. 288 с., ил.
11. Каменцев А. А. Самосознание казаков как фактор идентичности: по материалам казачьего эпоса и фольклора // Палеороссия. 2019. № 1 (11). С. 147–160.
12. Клибанов А. И. Народная социальная утопия в России. Период феодализма. М.: Наука, 1977. 335 с.
13. Козляков В. Н. Михаил Федорович. М.: Молодая гвардия 2010. 346 [6] с.: ил.
14. Корниенко Б. С. Правый Дон: казаки и идеология национализма (1909–1914). СПб.: Изд-во Европ. ун-та, 2013. 232 с.: ил.
15. Крестьянская война под предводительством Степана Разина: в 4 т. М.: Изд-во АН СССР, 1962. Т. 3. 491 с.
16. Лесин В. И. Атаман Платов. М.: Молодая гвардия, 2005. 403 с., [16] л. ил.
17. Лесин В. И. Силуэты русского бунта. М.: Центрполиграф, 2007. 332 [2] с., [8] л. ил.
18. Мавродин В. В. Крестьянская война в России в 1773–1775 годах. Восстание Пугачева: в 3 т. Л.: Изд-во ЛГУ, 1961. Т. 1. 587 с.
19. Мавродин В. В. По поводу характера и исторического значения крестьянских войн в России // Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков: проблемы, поиски, решения. М.: Наука, 1974. С. 35–51.
20. Материалы по истории Войска Донского. Грамоты / сост. И. Прянишников. Новочеркасск: Войсковая типография, 1864. 332 с.
21. Мауль В. Я. Харизма и бунт: психологическая природа народных движений в России XVII–XVIII веков. Томск: Изд-во ТГУ, 2003. 218 с.
22. Покровский Н. Н. Томск 1648–1649 гг. Воеводская власть и земские миры. Новосибирск: Наука, 1989. 388 с.
23. Пронштейн А. П. Земля Донская в XVIII веке. Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 1961. 375 с.
24. Рамазанов С. П. Кризис в российской историографии начала XX века. В 2 ч. Волгоград: Изд-во ВГУ, 1999. Ч. 1. 144 с.
25. Ригельман А. И. История о донских казаках. Ростов н/Д: Ростиздат, 1992. 224 с.
26. Рознер И. Г. Яик перед бурей. М.: Мысль, 1966. 204 с.
27. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 371. Преображенский и Семеновский приказы. Оп. 1. Д. 291. Дело о доносе солдата Аристова на казака Игната Пчелинца. 301 л.
28. Русские народные сказки казаков-некрасовцев / собраны Ф. В. Тумилевичем. Ростов н/Д: Ростиздат, 1958. 269 с.
29. Рыблова М. А. Донское братство: казачьи сообщества на Дону в XVI – первой трети XIX века. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2006. 544 с.
30. Савельев Е. П. История казачества. Новочеркасск: Донской печатник, 1918. 443 с.
31. Сватиков С. Г. Россия и Дон (1549–1917). [б. м.], 1924. 592 с.
32. Сень Д. В. «Войско Кубанское Игнатово Кавказское»: исторические пути казаков-некрасовцев (1708 г. – конец 1920-х гг.). Краснодар: Изд-во КубГУ, 2001. 385 с.
33. Соловьев В. М. Анатолия русского бунта. Степан Разин: мифы и реальность. М.: ТИМР, 1994. 252 с.
34. Тимошенко И. В. Очерк переселения казаков с Дона на Терек, Кубань и Сунжу // Сборник Областного войска Донского Статистического Комитета. Новочеркасск: Частная Донская типография, 1901. Вып. 1. С. 62–77.
35. Тумилевич Ф. В. Сказки и предания казаков-некрасовцев. Ростов н/Д: Ростиздат, 1961. 272 с.
36. Урушадзе А. Т. Вольная вода. История борьбы за свободу на Дону. М.: НЛЮ, 2020. 394 с.: ил.
37. Усенко О. Г. Идеология булавинщины: динамика целей и планов повстанцев. Саратов, 2019. Вып. 12–13. С. 152–179.
38. Щербина Ф. А. История Кубанского казачьего войска: в 2 т. Екатеринодар: Тип. Кубан. обл. правления, 1910. Т. 1. 734 с., 8 л. ил.

REFERENCES

1. Alexander D.T. *Emelian Pugachev i krestianskoe vosstanie na okraine Rossii v 1773–1775 gg.* [Emelian Pugachev and Peasant War on the Outskirts of Russia in 1773–1775]. Ufa, Galiulin D.A., 2011. 162 p.

2. Andreev I.L. Dvizhenie balashovcev [Balashov Movement]. *Voprosy istorii*, 1977, no. 7, pp. 118-122.
3. Buganov V.I. *Ocherki istorii klassovoi borby v Rossii XI–XVIII vv.* [Essays on the History of the Class Struggle in Russia in the 11th – 18th Century]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1986. 239 p.
4. *Bulavinskoe vosstanie. Sbornik dokumentov (1707–1708 gg.)* [Bulavin Rebellion. Collection of Documents (1707–1709)]. Moscow, Vsesoius. o-vo politkatorzhan i ssynoposelencev, 1935. 528 p.
5. *Gosudarstvennyi arhiv Rostovskoi oblasti (GARO)* [State Archive of the Rostov Region], f. 341. Kancelaria Voiska Donskogo [Office of the Don Army], inv. 1, d. 1. Kratkie vypiski o protivodeistvii kazakov pri pereselenii na Kavkazskuu liniu [Brief Extracts of the Opposition of the Cossacks During the Resettlement to the Caucasian Line]. 218 l.
6. *GARO* [State Archive of the Rostov Region], f. 518. Krepost Sviatogo Dmitria Rostovskogo [Fortress of St. Dmitry of Rostov], inv. 1, d. 1. Vhodiashie dela garnizonnoi kancelarii kreposti Sviatogo Dmitria Rostovskogo [Incoming Affairs of the Garrison Office of the Fortress of St. Dmitry of Rostov]. 207 l.
7. *Dopolnenia k Aktam istoricheskim* [Additions to Historical Acts]. Saint Petersburg, Tip. V.V. Pratz, 1872, vol.12. VIII; 423; 24 p.
8. *Druzhinin V.G. Raskol na Donu v konce XVII veka* [Split on the Don at the End of the 17th Century]. Saint Petersburg, Tip. I.N. Skorohodova, 1889. 330 p.
9. *Istoricheskie pesni XIII–XVI vekov* [Historical Songs of the 13th – 16th Centuries]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1960. 695 p.
10. *Istoria donskogo kazachestva: v 3 t.* [History of the Don Cossacks: In 3 Vols.]. Rostov-on-Don, Omega Publisher, 2020, vol.1. 288 p., ill.
11. Kamencev A.A. Samosoznanie kazakov kak faktor identichnosti: po materialam kazachego eposa i folkloru [Self-Awareness of the Cossacks as a Factor of Identify Based on the Materials of the Cossacks Epic and Folklore]. *Paleorossia*, 2019, no. 1 (11), pp. 147-160.
12. Klibanov A.I. *Narodnaia socialnaia utopiya v Rossii. Period feodalizma* [Popular Social Utopia in Russia. Period of Feudalism]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 335 p.
13. Kozliakov V.N. *Mihail Fedorovich*. Moscow, Molodaia gvardia Publ., 2010. 346 (6) p., ill.
14. Kornienko B.S. *Pravy Don: kazaki i ideologia nacionalizma (1909–1914)* [Right Don: Cossacks and the Ideology of Nationalism (1909–1914)]. Saint Petersburg, Izd-vo Evrop. un-ta, 2013. 232 p., ill.
15. *Krestianskaia voina pod predvoditelstvom Stepana Razina: v 4 t.* [Peasant War Led by Stepan Razin. In 4 Vols.]. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1962, vol. 3. 491 p.
16. Lesin V.I. *Ataman Platov*. Moscow, Molodaia gvardia Publ., 2005. 403 p., 16 l. ill.
17. Lesin V.I. *Siluety russkogo bunta* [Silhouettes of the Russian Riot]. Moscow, Centrpoligraph Publ., 2007. 332 (2) p., 8 l. ill.
18. Mavrodin V.V. *Krestianskaia voina v Rossii v 1773–1775 godah. Vosstanie Pugacheva: v 3 t.* [Peasant War in Russia in 1773–1775. Pugachevs Uprising. In 3 Vols.]. Leningrad, Izd-vo LGU, 1961, vol. 1. 587 p.
19. Mavrodin V.V. Po povodu haraktera i istoricheskogo znachenia krestianskih voyn v Rossii [On the Nature and Historical Significance of the Peasant Wars in Russia]. *Krestianskie voiny v Rossii XVII–XVIII vekov: problemy, poiski, reshenia* [Peasant Wars in Russia of the 17th – 18th Centuries: Problems, Searches, Solutions]. Moscow, Nauka Publ., 1974, pp. 35-51.
20. Prianishnikov I., ed. *Materialy po istorii Voiska Donskogo. Gramoty* [Materials of the History of the Don Army. Certificates]. Novocherkassk, Voiskovaia tipografia, 1864. 332 p.
21. Maul V.Ia. *Charisma i bunt: psichologicheskaiia priroda narodnyh dvizhenii v Rossii XVII–XVIII vekov* [Charisma and Rebellion: Psychological Nature of Popular Movements in Russia of the 17th – 18th Centuries]. Tomsk, Izd-vo TGU, 2003. 218 p.
22. Pokrovski N.N. *Tomsk 1648–1649 gg. Voevodskaia vlast i semskie miry* [Tomsk 1648–1649. Voevodship Authorities and Zemstvo Worlds]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1989. 388 p.
23. Pronstein A.P. *Zemlia Donskaia v XVIII veke* [Don Land in the 18th Century]. Rostov-on-Don, Izd-vo RGU, 1961. 375 p.
24. Ramazanov S.P. *Krizis v rossiiskoi istoriografii nachala XX veka. V 2 ch.* [Crisis in Russian Historiography in the Early Twentieth Century. In 2 Pts.]. Volgograd, Izd-vo VGU, 1999, pt. 1. 144 p.
25. Rigelman A.I. *Istoria o donskikh kazakah* [Story of the Don Cossacks]. Rostov-on-Don, Rostizdat, 1992. 224 p.
26. Rozner I.G. *Yaik pered burei* [Yaik Before the Storm]. Moscow, Mysl Publ., 1966. 204 p.
27. *Rossiiskii gosudarstvennyi arhiv drevnih actov (RGADA)* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 371. Preobrazhenskii i Semenovskii prikazy, inv. 1, d. 291. Delo o donose soldata Aristova na kazaka Ignata Pchelinca [Case of Soldier Aristov's Denunciation of Cossack Ignat Pchelinec]. 301 l.
28. Tumilevichem F.V., ed. *Russkie narodnye skazki kazakov-nekrasovcev* [Russian Folk Tales of the Nekrasov Cossacks]. Rostov-on-Don, Rostizdat, 1958. 269 p.
29. Ryblova M.A. *Donskoe bratstvo: kazachyi soobshchestva na Donu v XVI – pervoi treti XIX veka*

[Don Brotherhood: Cossacks Communities on the Don in the 16th – First Third of the 19th Century]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2006. 544 p.

30. Saveliev E.P. *Istoria kazachestva* [History of the Cossacks]. Novocherkassk, Donskoi pechatnik Publ., 1918. 443 p.

31. Svatikov S.G. *Rossia i Don (1549–1917)* [Russia and Don (1549–1917)]. S.l., 1924. 592 p.

32. Sen D.V. «*Voisko Kubanskoe Ignatovo Kavkazskoe*»: *istoricheskie puti kazakov-nekrasovcev (1708 g. – konec 1920-h gg.)* [“Kuban Ignatov Caucasian Army”: Historical Paths of the Nekrasov Cossacks (1708 – The End of the 1920s)]. Krasnodar, Izd-vo KubGU, 2001. 385 p.

33. Soloviov V.M. *Anatomia russkogo bunta. Stepan Razin: mify i realnost* [Anatomy of Russian Rebellion. Stepan Razin: Myths and Reality]. Moscow, TIMR, 1994. 252 p.

34. Timoshchenkov I.V. *Ocherk pereselenia kazakov s Dona na Terek, Kuban i Sunzhu* [Essay on the Relocation of Cossacks from the Don to the

Terek, Kuban and Sunzha]. *Sbornik Oblastnogo voiska Donskogo Statisticheskogo Komiteta* [Collection of the Don Army Statistical Committee]. Novocherkassk, Chastnaia Donskaia tipografia, 1901, iss. 1, pp.62-77.

35. Tumilevich F.V. *Skazki i predania kazakov-nekrasovcev* [Fairy Tales and Legends of the Nekrasov Cossacks]. Rostov-on-Don, Rostizdat, 1961. 272 p.

36. Urushadze A.T. *Volnaia voda. Istoria borby za svobodu na Donu* [Free Water. History of the Struggle for Freedom on Don]. Moscow, NLO Publ., 2020. 394 p., ill.

37. Usenko O.G. *Ideologia bulavinshchiny: dinamika celei i planov povstancsev* [Ideology of the Bulavin Uprising: Dynamic of the Goals and Plans of the Rebels]. Saratov, 2019, iss. 12-13, pp. 152-179.

38. Shcherbina F.A. *Istoria Kubanskogo kazachego voiska: v 2 t.* [History of the Kuban Cossack Army. In 2 Vols.]. Ekaterinodar, Tip. Kuban. obl. pravleniya, 1910, vol. 1. 734 p., 8 l. ill.

Information About the Author

Nikolai A. Mininkov, Doctor of Sciences (History), Professor, Institute of History and International Relations of the Southern Federal University, Pushkinskaya St, 140, 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation, namininkov@sfnu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2390-4208>

Информация об авторе

Николай Александрович Мининков, доктор исторических наук, профессор Института истории и международных отношений, Южный федеральный университет, ул. Пушкинская, 140, 344006 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, namininkov@sfnu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2390-4208>